

М. В. Яценко

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, СПб., Россия. yatsenm@mail.ru

«НЕОСОЗНАННОЕ» АВТОРСТВО И АВТОРСТВО КАК АВТОРИТЕТ: ТЕОРИИ АВТОРСТВА В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье анализируются представления об авторстве древнеанглийской поэзии и рассматривается возможность применения к этому материалу разных теорий авторства. Теория «неосознанного» авторства (М. И. Стеблин-Каменский), разработанная на материале древнеисландской литературы, не вполне применима к древнеанглийским источникам, поскольку для них более актуальной была проблема восприятия авторов, принципы создания их идеализированных образов, а не становления авторского самосознания. В статье доказывается, что более продуктивной для данной традиции является теория авторитетного авторства (С. С. Аверинцев), разработанная на материале архаического этапа развития литературы. В ходе сравнительного анализа было выявлено, что авторитетные фигуры авторов древнеанглийской поэзии на христианские темы создавались с использованием топосов, характерных для архаической библейской традиции и рассказов о переводчиках Библии.

Ключевые слова: «неосознанное» авторство, авторство как авторитет, древнеанглийская поэзия, Беда Досточтимый, Кэдмон, Альдхельм Мальмсберийский, король Альфред.

Maria Yatsenko

M. A. Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications,
St. Petersburg, Russia. yatsenm@mail.ru

“Unconscious” Authorship and Authorship as Authority: Theories of Authorship in the Context of the Old English Christian Poetry

The article deals with the nature of authorship of the Old English Christian poetry and reviews two basic theories of authorship that can be applied to this material. The theory of “unconscious” authorship by M. I. Steblin-Kamensky was based on the Old Norse literature which had two types of understanding the authorship: scalds who felt themselves “authors” and owners of the text due to the originality of its form, and epic poetry that was understood the part of a tradition and could not be viewed as personal. Old English poetry was mainly epic that is why it did not witness the coexistence of the two types of authorship. More interesting for

the texts of this tradition was the way the poets were presented. Analysis of the Old English texts about first poets (Cædmon, Bede, king Alfred, Aldhelm) shows that the authority of them was more important for understanding this tradition. All these figures are presented as ideal, the stories about them contain an array of biblical allusions and topoi common to the stories about the Bible translators. Thus the authorship of the Christian poetry of this period can and must be viewed in the context of authorship as authority theory, presented by S. S. Averintsev. Although this theory was elaborated based on the Biblical and ancient material, it can be applied for the later epochs, especially for the traditions connected with the Bible and its translations.

Key words: “unconscious” authorship, authorship as authority, Old English poetry, Bede the Venerable, Cædmon, Aldhelm of Malmesbury, king Alfred.

Осмысление теоретических аспектов авторства раннесредневековой словесности остается сложной проблемой. На материале современных литератур выделяют три основных аспекта авторства: «1) *автор биографический* — личность, существующая во внехудожественной, первично-эмпирической, исторической реальности; 2) *автор-творец*, создатель словесно-художественных произведений, мастер слова, “эстетически деятельный субъект” (М. М. Бахтин) и 3) автор во *внутритекстовом* воплощении, имплицитный автор, его более или менее внятные проявления в самой структуре словесно-художественного текста, разновидности его внутритекстового бытия» (курсив в цитате авторский — М. Я.) (Prozorov 2004: 68). Разработанная в трудах М. И. Стеблин-Каменского теория «неосознанного авторства» строится вокруг второго аспекта авторства, самоосмысления автора-творца или “эстетически деятельного субъекта”. При этом основное внимание исследователь уделяет тому, сознает ли себя тот, кто создает произведение, его автором, «в какой мере он сознает себя его автором и, следовательно, в какой мере он обладает творческой свободой по отношению к форме и содержанию произведения» (Steblin-Kamenskii 1979: 90). М. И. Стеблин-Каменский убедительно доказывает, что в отдельные периоды развития могли сосуществовать разные представления об авторстве. Так, «авторы» саг могли вносить в них определенные изменения, при этом они осознавали себя лишь записывателями, переписывателями имеющейся традиции, ее хранителями, но никак не «эстетически деятельными субъектами». Скальды раньше других стали ощущать себя авторами своих произведений, поскольку именно

ярко выраженная художественная форма осознавалась как личный вклад в создание текста. Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, «в эддической поэзии, как и в эпической поэзии вообще, а также и в прозе, не было условий для относительной самостоятельности формы и для осознания формального мастерства» (Steblyn-Kamenskii 1979: 96).

М. И. Стеблин-Каменский разработал свою теорию на основе древнеисландской литературы. Он сравнивал поэзию скальдов и их восприятие авторства с древней ирландской и даже арабской поэзией. Территориально и хронологически близкий древнеанглийский материал он практически не использовал для сравнения, поскольку поэтическое творчество англосаксов сохранило по большей части произведения эпические. Аналогов поэзии скальдов в древнеанглийской традиции либо не существовало, либо они не сохранились. Невозможность в полной мере применить теорию «неосознанного» авторства к древнеанглийскому материалу объясняется еще и тем, что древнеанглийские произведения, описывающие поэтическое творчество и поэтическую активность, фактически не описывают отношения к произведениям тех, кто их создавал. Более значимыми и развернутыми в этих текстах становятся описания отношения к авторам, то есть первый аспект авторства (автор биографический). Этот аспект менее разработан в трудах М. И. Стеблин-Каменского, однако в древнеанглийском наследии он представлен достаточно подробно и имеет ряд специфичных для средневековой литературы особенностей, а потому требует теоретического осмысления. Мы остановимся на произведениях древнеанглийской эпохи, в которых содержатся рассказы о поэтах, с целью уточнить способы создания в них образов авторов.

В древнеанглийской традиции количество поэтических произведений, которые воспринимались как авторские, чрезвычайно мало: «Гимн Кэдмона», «Предсмертная песнь Беды» и некоторые другие. Примечательно, что это произведения христианской религиозной поэзии. М. И. Стеблин-Каменский, анализируя древнеисландский материал, отмечал, что в произведениях христианской тематики можно говорить о наличии более развитой формы идейного содержания (по сравнению с сагами), которое, однако, было более или менее одинаковым — прославление Бога и святых (Steblyn-Kamenskii 1971: 68). Вероятно, в христианской поэзии авторство не исключало личного вклада в создание произведения каждого конкретного

книжника или устного певца, но этот вклад не обязательно воспринимался самим автором как вклад *личный*. Для автора-христианина это скорее следствие действия Святого Духа, являющегося соучастником всех дел человека. Меньше всего мы знаем об авторе по имени Кюневульф, который предположительно вплет рунами свое имя в концовки четырех древнеанглийских поэм. Но даже его подпись была не обозначением уникальности собственного вклада в создание текста, но, как пишет Н. Ю. Гвоздецкая, молитвенным обращением к высшим силам и к читателю (Gvozdetskaia 2023: 103).

Всего насчитывают восемь известных имен поэтов, которым с той или иной степенью уверенности приписывают разного рода древнеанглийские поэтические произведения. Большая часть из них связана с поэтическими переложениями библейских текстов, это Альдхельм Мальмсберийский, Беда Досточтимый, король Альфред Великий, Кюневульф и Кэдмон. Обо всех этих поэтах, кроме Кюневульфа, остались более или менее развернутые свидетельства их современников, некоторые из них прославлены и потомками. Мы остановимся на основных приемах создания образов этих поэтов в источниках, большая часть которых относится к древнеанглийской эпохе.

Наиболее ранний и развернутый рассказ об авторе содержится в Легенде о поэте Кэдмоне, включенной в 24 главу IV книги «Церковной истории народа англос» (*Historia Ecclesiastica gentis anglorum*) Беда Досточтимого. Как повествует Беда, дожив до зрелых лет, Кэдмон не научился слагать стихи, а потому каждый раз пристыженным уходил с пирушки, где в обычае было исполнять песни по очереди под аккомпанемент арфы. После одного такого случая он пошел сторожить скот и заснул. В чудесном сне ему явился «некто» (*quidam*¹), назвал по имени и попросил спеть. После того как просьба была повторена, Кэдмон смог спеть стихи во славу христианского Бога. По пробуждении он запомнил их и пошел сначала к своему начальнику, а потом вместе с ним в монастырь, где совет ученых мужей признал его дар богодухновенным. Сам Кэдмон был оставлен в монастыре и под руководством книжников стал перелагать Священную историю стихами на языке англос. Он вел праведную жизнь, знал о дне и часе собственной смерти, перед которой причастился Святых

¹ Здесь и далее латинский текст приводится по изданию: (Baedae 1896 [repr. 1956]).

Христовых Таин и примирился с братией, после чего мирно отошел ко Господу.

Более или менее реальной историю Кэдмона делает лишь упоминание о том, что он пришел и остался «в монастыре той аббатисы». Учитывая, что выше в «Церковной истории» речь шла об аббатисе Хильде и известно время ее кончины (680 г), исследователи датируют «чудо Кэдмона» не позднее этой даты. Обилие «темных мест» в биографии Кэдмона наводит на мысль о намеренном их использовании как особого приема построения текста, за которым кроется иносказание. Действительно, практически вся эта история состоит из разного рода библейских аллюзий². Как пророк Моисей, Кэдмон к началу рассказа уже «достаточно зрелый» человек (др.-англ. — *gelyfedre ylde*³), он вынужден уйти от людского общества. (Ср.: Исх. 2:12) и пасти скот (Ср.: Исх. 2:15). Чудесное призвание происходит в загоне для скота. Пророк Моисей также пас скот, когда Господь явился ему в образе Неопалимой Купины (Исх. 3:2). Различие двух сцен весьма условное. Неопалимая Купина понимается отцами Церкви как прообраз Девы Марии⁴ и первое видимое воплощение Бога⁵. С главным эпизодом Боговоплощения — Рождеством Христовым — ассоциируется и упоминаемый в древнеанглийской легенде загон для скота⁶. Чудесный посланник во сне Кэдмона никак не назван. Не исключено, что, избегая называть его, Беда следует ветхозаветному запрету помянуть Имя Божие всуе.

Сцена засыпания Кэдмона пронизана новозаветными аллюзиями. Уйдя с пирушки, Кэдмон, очевидно, задумывался о собственном месте в этом мире, где он не может делать того, что кажется простым всем окружающим. При этом говорится: *«þa he ða þær in gelimþlice tide his leomu on reste gesette ond on slepte»*. Досл.: «Тогда он там в должное время свои члены для

² Подробнее об это см.: (Yatsenko 2014).

³ Здесь и далее древнеанглийский текст приводится по изданию: (Old English Version 1997)

⁴ Иоанн Дамаскин «Три слова об иконах» Цит. по: (Bibleyskie kommentarii 2010: 18).

⁵ Иларион Пиктавийский «О Троице», Пруденций «Прославление», Августин Иппонский «О Троице», Климент Александрийский «Педагог», Евсевий Кесарийский «Доказательство в пользу Евангелия», Ефрем Сирийский «На Книгу Исход», Цезарий Арльский «Проповеди». Цит. по: (Bibleyskie kommentarii 2010: 13–15).

⁶ Эта параллель указана в работе: (Orton 1983).

отдыха расположил и заснул». Упоминание членов тела (лат. — *membra*, др.-англ. — *leomu*) может быть прочитано как аллюзия на сравнение человека с членом Церкви, которое находим у ап. Павла (1 Кор. 12:4–12 и Рим. 12: 3–5). Ассоциация с текстами Посланий рождается еще и потому, что с нравственной точки зрения Кэдмон представляет собой здесь идеал смирения, подчинения установленному порядку. Здесь же очевидна и другая сторона аллюзии на этот текст: после чудесного сна Кэдмон понимает свое предназначение и следует ему (Ср.: 1 Кор. 12:7–10 и схожие размышления в Рим. 12:6–8). Предназначение это оказывается значительно более важным, чем мирские занятия и может быть названо «заботой о пастве», поскольку известно, что Кэдмон «сложил много других песен о Божьих милостях и карах, которые, по его мысли, должны были обратить их к любви и добродеянию» (Beda Dostopochtennyu 2001:142). В начале Легенды говорится, что Кэдмон обрел свой дар не от людей и не через людей, подобным образом говорит о себе и ап. Павел (Гал. 1:1).

Само чудесное обращение к герою во сне («*Cedmon, sing me hwæðwegu/ Sing me hwæðweg. Hwæðere þu meahht me singan/ Hwæðere þu me miht singan*» — «Кэдмон, спой мне что-нибудь»/ «Спой мне что-нибудь», «Однако ты можешь мне спеть»/ «Однако ты мне можешь спеть») соотносимо с повторенным три раза обращением Христа к апостолу Петру: «паси овец моих» (Ин. 21:15–17), а также с новозаветным образом Доброго Пастыря. Подобно тому, как Он называет своих овец по имени, а они узнают Его (Ин. 10:3), Кэдмон откликается на призыв, содержащий его имя, и подчиняется тому, кто с ним говорит. Логично, что пастух, который заснул в загоне для скота, мог услышать во сне призыв исполнять свои обязанности. Кэдмон же слышит призыв петь и тем самым «пасти словесных овец», что прочитывается как призыв к божественному деланию.

Кэдмон, слагающий стихи на библейские темы, сравнивается с чистым животным, жующим жвачку (он «запомнил и пережевал его, как чистое животное, жующее жвачку» (*quasi mundum animal ruminando*)). С одной стороны, это — прямая аллюзия на Закон Моисея, где подробно описываются чистые и нечистые животные (Лев. 11:1–47), с другой, — указание на то, что Кэдмон, как и любое чистое животное, может быть посвящен Богу (именно чистые животные могли использоваться для жертвоприношений).

В толкованиях Отцов Церкви чистые животные ассоциируются с чистыми народами, с которыми нужно поддерживать общение христианину. А процесс пережевывания жвачки сравнивается с размышлением над божественным Логосом⁷. Образ пережевывающего божественное знание человека связан и с историей пророка Иезекииля, который должен был пережевывать свиток с божественным откровением, чтобы затем проповедовать (Иез. 3:1–12). Подобный образ книги, которую нужно съесть, возникает и в Апокалипсисе (Откр. 10:9). Сцена исполнения Кэдмоном своих стихов перед учеными мужами содержит явные аллюзии на евангельский рассказ об отроке Иисусе, поучающем книжников (Лк. 2:46–47).

Библейские аллюзии и идеализация образа поэта широко использовались и для рассказа о других поэтах в древнеанглийской традиции. Важной идеализированной фигурой поэта стал сам Беда Досточтимый. Уже в Письме о болезни и смерти Беды (Pis'mo Kutberta 2001), сочинении Кутберта, ученика и единственного его прижизненного биографа, сообщается, что Беда, несмотря на ослабевшее зрение, был занят непрестанной молитвой и наставлением учеников. В Письме указано, что глаза Беды уже не видели света мира сего, но внутреннее зрение позволяло ему проникать в глубину знаний о Боге. Здесь виден христианский топос о том, что «сила Божия в немощи совершается», сближающий данный рассказ с легендой о Кэдмоне. Не менее важны и топосы непрестанной деятельности и заботы о пастве, прочитывающиеся в обоих рассказах.

Библейские образы и аллюзии широко использованы и в Жизнеописании короля Альфреда, составленном его сподвижником Ассером (IX век) (Life of King Alfred 2002). Ассер (в

⁷ Ориген «Гомилии на Песнь Песней», Климент Александрийский «Педагог». Цит. по: (Bibleyskie kommentarii 2010: 262). В Послании Варнавы (каноничность этого текста оспаривается) о пережевывании жвачки говорится: «Но Моисей также сказал: «Ешьте все, имеющее раздвоенные копыта и отпрыгающее жвачку» (Лев 11:3). Кто разумеется под *скотом отпрыгающим жвачку*? — Тот, кто, получая пищу, знает своего питателя, и, насытившись, радуется о нем. Прекрасно сказал Моисей, имея в виду заповедь. Какую? Прилепляться к тем, которые боятся Господа, размышляют в сердце своем о полученной ими заповеди, которые беседуют о повелениях Господних и соблюдают их, которые знают, что размышление есть дело радостное и, *так сказать*, пережевывают слово Господне.» (Epistle of Apostle Varnava 2007: 84).

отличие от Беды и Кутберта) использует прямые сравнения и цитаты из Библии, указывает имена библейских персонажей: как пророк Давид, Альфред был младшим сыном в семье и самым красивым из детей, приятным в обращении, талантливым и ловким охотником; еще в детстве во время путешествия со своим отцом в Рим он был помазан на царство тогдашним папой Львом IV, подобно тому, как Давид был помазан на царство пророком Самуилом.

С царем Давидом Альфреда роднит и то, что он какое-то время жил в изгнании. Топос пустынножителства сближает рассказы о Кэдмоне и Альфреде с ветхозаветными героями (Кэдмона с Моисеем, и Иезекиилем⁸, а Альфреда с царем Давидом). Этот же топос используется в рассказах о переводчиках Библии (рассказ о семидесяти толковниках из письма Аристея, жизнеописание блаж. Иеронима).

Топос образованности, играющий важную роль в повествованиях о переводчиках Библии, в рассказе Ассера и в Легенде о Кэдмоне раскрыт по-разному. Хотя Альфред обладал прекрасной памятью и прилежно слушал Слово Божие, до двенадцати лет он не был обучен чтению и письму, а также не смог изучить «свободные науки», поскольку в его земле не было достойных учителей. Кэдмон же до чудесного призвания никогда ни одной песни не сложил и не выучил.

Описание богодухновенности дара также схоже в двух текстах. Кэдмон к моменту чудесного призвания был уже в зрелых годах. Король Альфред также в старости чудесным образом одновременно с даром чтения получает и способность переводить священные тексты на язык саксов. Описывая чудесное обретение этого дара королем, Ассер приводит ряд библейских цитат и сравнивает позднее обретение дара с чудесным покаянием разумного разбойника, который обратился ко Христу перед смертью и был спасен. Топос смирения, позднего (в зрелом возрасте) обретения божественного дара также роднит истории Кэдмона и короля Альфреда.

Ассер упоминает о необычайной любви короля к молитве, его заботах об образовании своих подданных. Альфред занимался обучением грамоте, чтением псалмов, ежедневным посещением божественной службы, чтением летописей и поэм на саксонском языке. В отличие о малообразованного и неспо-

⁸ В отличие от многих ветхозаветных пророков, уединение Кэдмона, необходимое для получения откровения, длится всего одну ночь.

собного к поэтическому творчеству до чудесного призвания Кэдмона, король Альфред еще в юном возрасте выучил наизусть книгу, содержащую поэтические рассказы из Священной истории на его родном языке.

Как видно из приведенных примеров, для англосаксонских рассказов о людях, занимавшихся поэтическим творчеством на родном языке (Кэдмоне, Беде и Альфреде), было характерно использование топосов образованности, праведной жизни, смирения, заботы о наставлении паствы, богодухновенности дара. Все эти топосы восходят не к фольклорным, а к книжным источникам. Они широко используются в рассказах о переводчиках Библии (жизнеописания блаж. Иеронима и Татиана). Сходство ряда топосов подтверждает тесную генетическую связь между раннехристианской и древнеанглийской христианской традициями, что можно объяснить близостью тематики творчества героев этих повествований. Поэтические изложения Библии, как и ее переводы, требовали от их «авторов» соответствия высокому нравственному идеалу.

К более позднему времени (XII в.) относится рассказ из «Деяний английских епископов»/ «Истории английских епископов» (*Gesta Pontificum Anglorum*) Вильяма Мальмсберийского, повествующий об Альдхельме Мальмсберийском. Альдхельм прославляется в нем как необычайно умный и талантливый муж. В рассказе об Альдхельме возникает ряд топосов, которые также позволяют соотносить его с легендами о переводчиках Библии. Это, прежде всего, топос образованности. В житиях переводчиков раннехристианской эпохи (блаж. Иеронима и Татиана) языческое образование и вкусы, им привитые, входят в противоречие с изучением Священного Писания. Подобным образом использован этот топос в Легенде о Кэдмоне. Устная поэтическая традиция сложения песен для развлечения, которую не мог постичь Кэдмон, косвенным образом осуждается в Легенде. Не признавалась она как авторитетная и в дальнейшем, как можно судить на основании знаменитого письма Алкуина, где задается вопрос о том, что общего у Ингельда со Христом, т. е. у языческой образованности с христианством.

В жизнеописании Альдхельма упоминается иной вид учености — знание латинских авторов и принципов стихосложения, который не осуждается и не входит в противоречие с постижением Слова Божия. Альдхельм с раннего детства обучался латыни и древнегреческому и вскоре привел в восхи-

щение своих учителей («*Ibi pusio, Grecis et Latinis eruditus litteris, breui mirandus ipsis enituit magistris*»⁹). С подобной сценой восхищения учителей встречаемся и в рассказе о Кэдмоне, который ни у кого не учился.

В отличие от рассмотренных выше историй, относящихся к древнеанглийскому периоду, агиограф XII века стремится придать документальную точность своему повествованию и упоминает источники приводимых им сведений. Так, описывая поэтические таланты Альдхельма, он ссылается на некую записную книжку короля Альфреда (*Manualem librum regis Elfredi*). Существуют предположения, что рассказ Вильяма Мальмсберийского действительно восходит к достаточно древнему прототипу (Remley 2005). Очевидно, такая записная книжка (и не одна) существовала¹⁰ и содержала сведения, которые были известны еще при жизни самого Альдхельма и сохранялись в устной традиции до времен короля Альфреда, т. е. могли быть знакомы, например, Беде.

Важен и сам момент, в связи с которым агиограф прибегает к указанию на источник. Вильям Мальмсберийский упоминает, что король Альфред считал: «*nulla umquam aetate par ei fuerit quisquam poesim Anglicam posse facere, cantum componere, eadem apposite uel canere uel dicere*» (Life of King Alfred 2002: 506) — «никого никогда прежде него (Альдхельма — М. Я.) не было, кто бы превзошел его в умении создавать поэзию на английском языке, слагать песни, а потом соответственно (*var.* — при подходящем случае) петь или декламировать их».

Данное утверждение, вероятно, связано со словами из легенды о Кэдмоне, которого Беда восхваляет следующим образом: «*Et quidem et alii post illum in gente Anglorum religiosa poemata facere tentabant; sed nullus eum [Al., ei] aequiparare potuit*» — «**После него** многие англй пытались складывать религиозные поэмы, но никто не мог сравниться с ним».

При внимательном прочтении текстов становится понятным, что рассказы о первых поэтах (Кэдмоне и Альдхельме) не противоречили, а дополняли друг друга. Вильям Мальмсберийский весьма осторожно сравнивает Альдхельма лишь с теми, кто слагал стихи до него. Беда же сравнивает творчество

⁹ Здесь и далее латинский текст приводится по изданию: (William of Malmesbury 2007: 502).

¹⁰ Видимо, о ней же пишет и биограф Альфреда Ассер: (Life of King Alfred 2002: 41–43).

Кэдмона с теми, кто сочинял и после него. Талант Альдхельма, полученный в результате научения, может сравниваться только с его предшественниками, тогда как дар Кэдмона превосходит и его последователей.

Поскольку Кэдмон пришел в монастырь не позднее 680 года, а Альдхельм родился в 639 (640?) году, а в 670-х годах создал свой знаменитый сборник латинских загадок, становится ясным, что оба поэта могли творить фактически в одно и то же время. Стремление избежать противоречий с рассказом Беды заметно и в других моментах повествования. Вильям Мальмсберийский отмечает, ссылаясь на Альфреда, что многие простые песни Альдхельма «до сих пор обыкновенно поются» («*carmen triuiale, quod adhuc uulgo cantitatur*»), и высказывал при этом свое мнение об этих песнях. Но он не хотел вступить в полемику с авторитетным мнением Беды. О том, что Альдхельм излагал библейские сюжеты языком поэзии, мы узнаем лишь в заключительной части рассказа о его поэтических занятиях. Продолжая пересказывать слова короля Альфреда, Вильям Мальмсберийский говорит, что Альдхельм применял свое поэтическое искусство, чтобы задержать паству, которая слишком спешила домой после Божественной службы. Рассказчик говорит, что пение развлекательных сочинений было «очевидно несерьезным/ мелким» («*videantur friuola*») занятием для такого человека. Лишь сумев привлечь простых людей своими песнями, Альдхельм вплетал в них слова из Священных Писаний. Вильям Мальмсберийский однозначно одобряет данный подход к наставлению паствы (William of Malmsbury 2007: 506), но никак не оценивает качество именно этих, религиозных песен.

Историк говорит, что, исполняя свои сочинения, Альдхельм стоял на мосту, соединяющем церковь и город. Если даже считать это описание исторически точным, нельзя не отметить возможности аллегорического прочтения данной сцены. Стихи Альдхельма, подобно мосту, должны были соединять город и Церковь, то есть светское и церковное искусство.

В противоположность данному рассказу Легенда о Кэдмоне содержит лишь сцену исполнения стихов перед учеными мужами. Фраза Беды о том, что «Во многих душах его (Кэдмона — М. Я.) песни зажгли презрение к миру и стремление к жизни небесной» (Beda Dostopochtennyu 2001: 140), оказывается не вполне понятной, т. к. в Легенде не сообщается, исполнял ли Кэдмон свои стихи за пределами монастыря, или они исполнялись кем-то другим по памяти или по записи.

Наконец, все эти соображения заставляют задуматься о том, какие отношения были между текстом Легенды о поэте Кэдмоне, изложенной Бедой, и биографией Альдхельма. Если допустить, что Вильям Мальмсберийский ссылаясь на реальный документ, «Записную книжку короля Альфреда», в котором был изложен фрагмент биографии Альдхельма, описывающий создание им стихов на библейские темы, то можно предположить, что с подобными рассказами о своем современнике мог быть знаком и Беда.

Создавая свое повествование о Кэдмоне, Беда мог ориентироваться на ту традицию образования и словесной культуры, которую представлял Альдхельм и которая была в его время достаточно хорошо известна. Можно предположить, что Беда стремился дополнить некими важными деталями тот образ поэта, который начал складываться в сознании его современников под влиянием личности Альдхельма.

Очевидные противоречия между фигурами Альдхельма и Кэдмона связаны с уровнем их образования и тем, как они использовали свой поэтический дар. Причем противоречия здесь фактически дословные. Подчеркивая необразованность Кэдмона, Беда ярко изображает его дар как богодухновенный и отмечает, что он не слагал «праздных песен» (*nihil unquam frivoli et supervacui poematis facere potuit* — «никаких праздных песен не мог создавать»). Вильям Мальмсберийский отмечает, что Альдхельм занимался и тем, что было «очевидно мелким/праздным» (*videantur friuola*), хотя и не осуждает это умение своего героя слагать стихи на совершенно разные темы.

Важно и еще одно существенное различие в рассказах о Кэдмоне и Альдхельме. В биографии Альдхельма поэзия на библейские темы «исходит» от ученого мужа, который вышел из стен монастыря, чтобы наставить свою паству. Кэдмон же, напротив, приходит в монастырь, уже получив поэтический дар свыше, но продолжает обучение у ученых мужей. Вероятно, именно «сценарий» чуда Кэдмона, при котором неграмотный человек приходит в монастырь, принося свой талант как «дары волхвов», а затем обучается у ученых мужей, оказался более приемлемым в глазах Беды. А авторитет Кэдмона смог заслонить собой фигуру талантливого образованного интеллектуала Альдхельма, который использовал свой дар для наставления паствы.

Рассказ о простом пастухе, получившем дар сложения стихов во славу христианского Бога чудесным образом в

зрелом возрасте, содержится и в предисловии к древнесаксонской рукописи переложений Библии, которая датируется началом IX века (Praefatio 1996). Этот рассказ может восприниматься как краткий пересказ истории Кэдмона без упоминания его имени. Вместе с тем он выглядит лишь как набор топосов. Однако задумается, для чего в предисловии к переложениям Библии нужен был такой рассказ об их «авторе». Вероятно, идеализированная фигура поэта-пастуха, запечатленная в рассказе Беды о поэте Кэдмоне, обладала определенным авторитетом. И само ее наличие, как и ссылка на такой авторитет была своеобразной санкцией для записи поэтических переводов Священного Писания.

Такой характер отношения к автору и авторству соотносится с представлениями об архаическом авторстве, которое подробно описано С. С. Аверинцевым. Архаическое авторство предполагало наличие определенного авторитетного имени, которое имело не столько конкретно-исторический, сколько символический смысл (Песнь Песней Соломона, Псалмы Давида и пр.). Архаическое авторство не исключает самого факта написания тем или иным историческим лицом приписываемого ему произведения. При этом более важным является делегируемый этому лицу авторитет, достоинство (*auctoritas*), которым наделяет его та или иная историческая общность (Averintsev 1994: 105–107). Именно этот символический смысл, приписываемый легендарной или полуполулегендарной фигуре, обладал определяющим значением для жанра и стиля текстов, с ней связываемых. Важнейшим в осмыслении автора-авторитета является тот факт, что «функция имени остается в принципе той же самой: имя не связывается с индивидуальной манерой, характерностью стиля, оно гарантирует доброкачественность содержания и помимо этого указывает на жанр» (Averintsev et al., 1994: 10–11).

Наличие рассказа об авторе-пастухе в начале древнесаксонской рукописи может свидетельствовать о том, что «сценарий» чуда Кэдмона, как и его сакрализованная фигура сохраняли свой авторитет в течение нескольких столетий как на Британских островах, так и на континенте. Однако возникает закономерный вопрос: почему в данной рукописи не упомянуто имя Кэдмона. Вероятно, дело в особом отношении к этому имени. При внимательном рассмотрении легенды о Кэдмоне видно, что в самом ее тексте имя главного героя упоминается только в прямой речи, в обращении чудесного посланника.

Причем эта особенность сохраняется как в латинском тексте Беда, так и в древнеанглийском переводе. Она, видимо, была достаточно долгой, поскольку в рассказе о монастыре, где покоятся останки Кэдмона, Вильям Мальмсберийский также не упоминает имени Кэдмона, хотя явно рассказывает именно о нем. Такое отсутствие указания имени обращает на себя внимание в контексте перечисления, где указываются имена и род занятий людей, чьи мощи были обнаружены: *«nuentaque sunt nouiter et in eminentiam elata sanctorum corpora, Trumwini episcopi, Oswii regis, et Elfladae filiae eius, quae eidem monasterio post Hildam praefuit, necnon et illius monachi quem diuino munere scientiam cantis accepisse Beda refert. Cuius non fuisse apud Deum popolare meritum miracula modo multa, ut ferunt, superne demissa, pretendunt inditium»* (William of Malmsbury 2007: 386) — «Недавно там были найдены и подняты останки святых людей, епископа Трумвине, короля Освиу и его дочери Эльфледы, которая управляла тем монастырем после Хильды, вместе с ними и монаха, который получил Божественный дар пения, как о том писал Беда. Заслуги того монаха были необычными в глазах Бога, как говорят, многие чудеса посылаются через них свыше». Вероятнее всего, такая традиция сокрытия имени Кэдмона была связана с его табуированностью и восприятием в качестве сакрального.

Проведенный анализ дает возможность иначе осмыслить представления об авторстве древнеанглийской эпохи. Безусловно, в это время автор биографический был не столь важен, как авторитет, приписываемый определенному имени или фигуре. Рассмотрев ряд рассказов о древнеанглийских христианских поэтах, мы увидели своеобразный «гипертекст», т. е. тот культурный и словесный контекст, который породил эти авторитетные имена. Это позволило осмыслить то авторское достоинство (*auctoritas*), которое было актуальным для древнеанглийской монастырской культуры поэтического изложения Библии. Использование терминов «авторское достоинство (*auctoritas*)» и «авторитет», осмысленных в работах С. С. Аверинцева применительно к архаическому авторству, является в данном контексте наиболее адекватным. Хотя исследователи соотносят Средневековье в большей степени с традиционалистическим этапом развития словесности¹¹, С. С. Аверинцев отмечает, что

¹¹ Традиционалистический этап датируют для западных литератур периодом с середины I тыс. до н. э. по вторую половину XVIII в., а

сочинения, связанные со Священным Писанием, во многом продолжали архаическую традицию и возвращались к ней¹². Дошедшие до нас описания авторов древнеанглийской поэзии в той или иной мере их идеализируют и сближают с фигурами библейских пророков или переводчиков Библии. Роль авторитетных авторов, которая была присуща «авторам» отдельных книг Библии, в средневековой традиции выполняли фигуры переводчиков Библии.

В качестве авторитетного автора поэтических сочинений на библейские и агиографические темы в древнеанглийской монастырской среде в конце VII–VIII веке могла восприниматься фигура образованного интеллектуала Альдхельма Мальмсберийского, владевшего античной ученостью, латинским языком и искусством стихосложения как на латыни, так и на своем родном языке. Значимость такой фигуры подтверждается как сохранением его песен в устной традиции, так и тем, что аналогичными качествами обладал и Беда, к ним же отчасти стремился и король Альфред. Однако примерно в это же время сам Беда создает идеализированный и сакрализованный образ первого поэта Кэдмона. Именно он в определенный момент стал восприниматься как наиболее авторитетный, вероятно, за счет самой Легенды, изложенной Бедой. Признание богодухновенности дара поэта Кэдмона и сакрализация его фигуры становились своеобразной санкцией для записи текстов, которые в традиции связывались с его именем. Высокое авторское достоинство Кэдмона предполагало придание его поэзии статуса священной, что уподобляло ее в глазах англосаксов тексту Библии.

Литература

Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhailov, A. V. 1994: [Poetic Categories on the Change of Literary Epochs], In: *Istoricheskaja poetika. Literaturnye epokhi i tipy*

для восточных — с первых веков I тыс. н.э. по XIX в. — начало XX в. Эту эпоху определяют как время господства понятий традиции и нормы, ориентации на определенные образцы в поэтике (Averintsev et al. 1994: 3–38).

¹² С. С. Аверинцев пишет о вторичных и третичных рецидивах представлений об авторстве текстов библейских переводов, которые нуждались в авторитетных переводчиках, также как и книги Ветхого завета — в авторитетных авторах (Averintsev 1994: 115).

- khudozhestvennogo soznaniia [Historical poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness]*. Moscow: Nasledie. 3–38.
- Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В. 1994: Категории поэтики в смене литературных эпох. В сб.: *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М.: Наследие, 3–38.
- Averintsev, S. S., 1994: [Authorship and Authority], In: *Istoricheskaia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia. [Historical poetics. Literary Epochs and the Types of Artistic Consciousness]*. Moscow: Nasledie. 105–125.
- Аверинцев, С. С. 1994: Авторство и авторитет. В сб.: *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М.: Наследие, 105–125.
- Baedae 1896 [repr. 1956]: *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*, In: *Baedae. Opera Historica*. Vol. 1–2 / C. Plummer (ed.). Oxford: Oxf. Univ. Press.
- Beda Dostopochtennyu [Bede the Venerable] 2001: *Tserkovnaia istoriia naroda anglov [Ecclesiastical History of the English People (Transl. from Latin by V. V. Erlichman)]*. St.-Petersburg. Беда Достопочтенный 2001: *Церковная история народа англвов (Пер. с латинского В. В. Эрлихмана)*. СПб.
- Bibleyskie kommentarii 2010: *Bibleyskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Vetkhiy Zavet. Tom III. Knigi Iskhod, Levit, Chisla, Vtorozakonie [Ancient Christian Commentary on Scripture. Old Testament III: Exodus, Leviticus, Numbers, Deuteronomy]*. J. T. Lienhard, N. A. Kul'kova, S. S. Kozina (eds.), Tver': Germenevtika.
- Библейские комментарии 2010: *Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том III: Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие / Пер. с англ., греч., лат., сир./ Под ред. Д. Т. Линдхарда, Н. А. Кульковой, С. С. Козина*. Тверь: Герменевтика.
- Bredenhof, Th. A. 2009: *Authors, Audiences, and Old English Verse*. Toronto: University of Toronto Press.
- Epistle of Apostle Varnava 2007: [Epistle of Apostle Varnava] In: *Pisaniia muzhei apostol'skikh [Letters of Apostoles]/ Ed. R. Svetlova, trans. P. Preobrazhenskii*. St.-Petersburg, 62–102. Послание апостола Варнавы 2007: Послание апостола Варнавы. В сб.: *Писания мужей апостольских*. Р. Светлова (ред.), П. Преображенский (пер.). СПб.: Амфора, 2007, 62–102.
- Gvozdetskaia, N. Iu. 2023: [Runic “Signatures” by Cynewulf: signs, symbols, images], In: *Fundamental'nye tsennosti iazyka i kul'tury: k 60-letiiu doktora filologicheskikh nauk, professora S. G. Proskurina sbornik statei*. Otv. Redaktor A.V. Proskurina. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 95–105.
- Гвоздецкая, Н. Ю. 2023: Рунические «подписи» Кюневульфа:

- знаки, символы, образы. В сб.: *Фундаментальные ценности языка и культуры: к 60-летию доктора филологических наук, профессора С. Г. Проскурина сборник статей*. Отв. редактор А. В. Проскурина. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 95–105.
- Life of King Alfred 2002: *The Medieval Life of King Alfred the Great: a Translation and Commentary on the Text Attributed to Asser / Annotation, English Translation with Commentary by A. P. Smyth*. Basingstoke; New York: Palgrave.
- O'Donnell, D. P. 2005: *Caedmon's Hymn: A Multimedia Study, Edition and Archive*. Cambridge.
- Old English Version 1997: *Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English people / Ed. with Translation and Introduction by Th. Miller*. Early English Text Society. Or. Ser., 95–96. In 2 Vols.
- Orton, P. R. 1983: Caedmon and Christian Poetry. In: *Neuphilologische Mitteilungen*, 84, 163–170.
- Pis'mo Kutberta 2001: *Pis'mo Kutberta o bolezni i smerti Bedy*. In: *Beda Dostopochtennyu [Bede the Venerable]. Tserkovnaia istoriia naroda anglov [Ecclesiastical History of the English People (Transl. from Latin by V. V. Erlikhman)]*. St.-Petersburg, 206–208.
- Письмо Кутберта 2001: *Письмо Кутберта о болезни и смерти Беды*. В сб.: *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана*. СПб., 206–208.
- Praefatio 1996: *Praefatio in librum antiquum lingua Saxonica conscriptum*. In: *Heliand und Genesis/ O. Behaghel, B. Taeger (eds.)*. Tübingen: De Gruyter, Inc., 1–2.
- Prozorov, V. V. 2004: [Author]. In: *Vvedenie v literaturovedenie. Uchebnoe posobie dlia vuzov po napravleniiu i spets. "Filologiiia" [Introduction into Literary Studies. A Manual for the Higher Educational Establishments, Direction "Philology"] / Ed. L. V. Chernets*. M.: Vysshiaia shkola, 68–81.
- Прозоров, В. В. 2004: Автор. В сб.: *Введение в литературоведение. Учебное пособие для вузов по направлению и спец. "Филология" / Под ред. Л. В. Чернец*. М.: Высшая школа, 68–81.
- Remley, P. G. 2005: Aldhelm as Old English Poet: Exodus, Asser and the Dicta Aelfredi. In: *Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for Michael Lapidge / Ed. K. O'Brien O'Keefe, A. Orchard*. Toronto: University of Toronto Press, Vol. 1, 90–108.
- Steblin-Kamenskii, M. I. 1979: [The Place of Scaldic Poetry in the History of World Literature]. In: Steblin-Kamenskii, M. I. *Istoricheskaiia poetika [Historical Poetics]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 90–102.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1979: Место поэзии скальдов в истории мировой литературы. В сб.: *Стеблин-Каменский, М. И.*

- Историческая поэтика*. Л.: Издательство Ленинградского университета, 90–102.
- Steblyn-Kamenskii, M. I. 1971: [Saga Mind]. Leningrad: Nauka.
Стеблин-Каменский, М. И. 1971: Мир саги. Л.: Наука.
- William of Malmesbury 2007: *Gesta Pontificum Anglorum. Vol. 1. Text and Translation* / Ed. and Transl. by M. Winterbottom with assistance of R. M. Thomson. Oxford.
- Yatsenko, M. V. 2014: [On Some Biblical Parallels of the Legend of the poet Caedmon]. In: *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. Vol. 20, Osnovnoi vupusk № 3 (May–June), 163–166. Яценко, М. В. 2014: О некоторых библейских параллелях легенды о поэте Кэдмоне. В сб.: *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. Т. 20, Основной выпуск № 3 (Май-Июнь), 163–166.